

Вет. Ленинград

31 декабря 1986 года

УХОДЯЩИЙ сегодня ночью от нас год был Годом мира. Но следующий, 1987-й, тоже должен быть годом Мира. И все остальные...

Истории было угодно, чтобы противопоставление понятий «мир» и «война» сопряглось в обыденном сознании с противопоставлением политики нашей страны и политики США. Но ведь судьба мира волнует не только политиков, но и всех, кого мы называем гражданами, или, в повседневности, простыми людьми. Между тем не каждый из нас задумывался о своем — личном — отношении к Америке и американцам.

Сегодня сформулировать свои мысли об этом я предложил кинорежиссеру Евгению Татарскому. Почему именно ему, станет ясно чуть позже. А пока скажу, что вам хорошо известны его фильмы, которые часто показывает телевидение, — «Золотая мина», «Приключения принца Флоризеля», «Колье Шарлотты...».

— Америка и я? — весело удивился Татарский. — Да я никогда не возьму на себя смелость... Давайте лучше о картине, которую мы только что закончили делать, — «Джек Восьмеркин, американец...».

Тут я, признаюсь, поймала Татарского на слове: «Американец! Вот именно!». И уже из названия ясно, что фильм имеет отношение к двум державам...

Впрочем, об этой «настоящей комедии», как определил ее мой собеседник, речь впереди. Начнем по порядку.

В 1975 году на «Ленфильме» снималась первая советско-американская картина «Синяя птица». В Ленинград приехала большая группа кинематографистов США во главе с режиссером Джорджем Кьюкором. А режиссером с советской стороны был Евгений Татарский. Вот тогда-то он впервые и встретился с американцами. «О съемках «Синей пти-

цы» тоже можно было бы сделать хорошую комедию, — считает Татарский. — Потому что теперь, по прошествии лет, кажутся милыми, смешными и симпатичными те многочисленные «драматические» ситуации, которые постоянно возникали по ходу работы». «Еще был — думаю я, — ведь встретились люди не только с разными представлениями о том, как делается кино, но просто разговаривающие на разных язы-

объединяли кинематографистов обеих стран. «Мы отдавали себе отчет, — говорит Татарский, — что наша работа — не только фильм, но и возможность познакомиться поближе, понять друг друга. Иногда заокеанская пресса, которая много внимания уделила совместной постановке, негативно описывала «горестную» жизнь американских кинозвезд в Ленинграде». Но те же «звезды», читая эти статьи, иронически

заранее уверены, что все лучшее — бифштексы, телевизоры, автомобили... — у них, и, следовательно, чего ж им выяснять-то? Уже весь мир знает, что это не так, а американцы — не знают. И знать не хотят. Вот это ощущение их «центропутии» — простите, не могу подобрать другое слово — опять возникло во время телемоста».

«Опять?» — спрашиваю. И слушаю еще одну историю.

Но кое-что и мы могли бы позимствовать у американского народа, например его деловитость», — заключает мой собеседник, и я понимаю, что пришла пора вернуться к Джеку Восьмеркину... Потому что он, этот главный герой новой трехсерийной телевизионной картины, — русский крестьянин, волею судьбы попавший в детстве в Северо-Американские Соединенные Штаты (как называли Аме-

ревне тех первых лет новой власти, в деревне, где еще и электричества-то нет, а о комбайне и не слышали. Но он хочет и, главное, может работать. А в деревне — коммуна. Известно, что коммуны с их лозунгом «От каждого — по способностям, всем — поровну» прожили недолгую и далеко не счастливую жизнь. Уравниловка была осуждена тогда и еще раз получила четкую оценку сегодня. Но людям, мыслящим вчерашним (а то и позавчерашним) днем, все равно при слове «коммуна» хочется встать и долго аплодировать. И никакого ироничного взгляда на то, что было названо мелкобуржуазным левачеством, они не могут допустить. Между тем известно также, что человечество смеясь расстается со своим прошлым. И разве не предмет для настоящей кинокомедии наши некоторые заблуждения?

Так вот, не сразу, постепенно, но молодые и веселые коммуны понимают, что шагать дружно в ногу под оркестр — не значит строить социализм. Что надо работать. И что тут им примером может стать Джек Восьмеркин, «американец» (а то понял сам Джек — оставим тайной, ведь вам еще только предстоит увидеть эту действительно смешную комедию; кстати, я не сказала, что она еще и музыкальная).

«Мы не изменяем своим принципам, — подводит итог Евгений Татарский, — но готовы учиться у других народов всему, что поможет развивать наше хозяйство и двигаться вперед для блага всего общества и каждого человека».

Но чтобы учиться — надо знать. А чтобы знать — нужно общаться: снимать фильмы, летать в космос, проводить телемосты... А это возможно, только если все годы будут мирными...

О. ШЕРВУД

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ

Мосты дружбы

ках», — и слушаю одну из историй. Татарский рассказывает: «Однажды — а было это осенью — Кьюкор для съемок эпизода просит «чере-пику». Переводчики говорят: сборщицу вишен. Мы в недоумении — какие вишни в сентябре? И я долго выпытываю у Кьюкора, как должна выглядеть эта крестьянка? Отвечает: она большая и... железная. После долгих переводов выясняется, что на американском киножаргоне чере-пика — большая вышка для осветительных приборов, смонтированная на грузовом автомобиле... Таких примеров — масса...».

Сейчас, действительно, рассказанная Татарским байка выглядит забавной. Тогда, на съемках, это было повседневной трудностью — находить общий язык. Но трудностью преодолимой — достигнутое взаимопонимание воплотилось в фильме по классической пьесе о счастье... То было время совместного полета «Союза» и «Аполлона», время заключения договора по ПРО, короче — был период разрядки и надежд на дальнейшее развитие политических, экономических и культурных связей с Америкой. Эти надежды и

улыбались и успокаивали нас тем, что американские журналисты иначе не могут — без «перца» их корреспонденции покажутся малоинтересными публике...».

Как участника той, давней теперь уже постановки Татарского пригласили на телемост «Ленинград — Сизтл». Прошло десять лет: «Мне было интересно посмотреть на американцев середины 80-х — обстановка в мире, увы, изменилась, да и новое поколение выросло. Что оно знает о нас? Возможен ли контакт?»

Запись телемоста все видели — и каждый составил свое о нем мнение: оптимисты — одно, пессимисты, понятно, иное. Но для многих, мне кажется, очевидной была мысль: развитие техники, сделавшей возможным такое общение, и тут дает эффект политический. Каковы же впечатления участника этого разговора через спутник? В ответ Татарский как-то заскучал и сказал следующее: «Я уже раз понял, что мы об Америке знаем в сто раз больше, чем они о нас. Нам интересно: как живут люди в иных странах. А им — неинтересно. Ибо они

В практике режиссера Татарского был такой эпизод. В период подготовки съемок одного американского ансамбля в Ленинграде (дабы предупредить вопросы: съемки не состоялись) киногоруппой был получен телекс из Калифорнии: «Требуется красный „Стенвей“». Не так-то легко найти организацию, которая запросто отдаст столь дорогую вещь для съемок, да еще на улице. Наша сторона обратилась к директору киногоруппы — это был англичанин, — который обещал выяснить, так ли уж необходим именно «Стенвей». Через некоторое время директор пришел и хочет: «Это — американцы! Говоря «Стенвей», они имели в виду просто рояль. Им и в голову не приходит, что есть другие фирмы!».

«И вот эта их уверенность, — повторяет Татарский, — что все «самое-самое» — в США, и незачем знать иные народы, и нечему у них, быть может, даже поучиться, — раздражала... Мы — более открыты. Мы не стесняемся учиться лучшему. И, в частности, в этом уважении к другим народам, к другому опыту — наше собственное достоинство.

Дело в следующем: Джек Восьмеркин в Америке кое-чему научился — пахать, сеять, ухаживать за овцами, работать на тракторе, комбайне, пользоваться электродоилкой. Не все свои навыки он может применить в русской де-